

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ

С. Ю. Данилов

В настоящее время можно уверенно констатировать резкое снижение социального авторитета общественно-гуманитарных дисциплин по сравнению с 20–50-летней давностью. Одной из основополагающих причин такой динамики являются такие многоплановые феномены, как правовой и исторический нигилизм, которые, укоренившись ранее в общественном сознании, имеют свойство самовоспроизводства.

Несомненно, научный и образовательный процесс серьезно (и вероятно в равной мере) пострадали во время перестроек всех видов. Распространенным явлением стало появление и активное «включение» в научный и образовательный процесс напех «набитых» на компьютере (ранее – на машинке) учебников, пособий, монографий, авторы которых не в силах сделать выверенных выводов из пластов фактического материала, противоречивого, как и остальная жизнь. Нередко многочисленные авторские суждения на поверку оказываются голословными, не выдерживают объективной критики или механически повторяют прописные истины. Все сильнее проявляется тенденция исследователей и преподавателей (независимо от ученой степени и звания) обходить при рассмотрении не только настоящего, но и прошлого жгучие политико-правовые проблемы. Вместо объяснения социальных и правовых явлений читатели и слушатели часто получают от нас, профессионалов, пространный пересказ бесчисленных правовых актов. Слишком часто мы не видим или игнорируем связь между прошлым и современным, предпочитая не знать, что законы генофонда сплошь и рядом бывают сильнее юридических законов. Далеко не всем из нас удастся избавиться от груза идеологизации гуманитарных наук¹.

Зная, что вредоносны решительно все нигилизмы (грамматический, технический, биологический – далее по списку), все же рискуем выразить мнение, что исторический нигилизм опаснее любого другого. Отрицание ценности прошлого лежит в основе прочих нигилизмов. При помощи фразы «Это было давно» многие привыкли закрываться и от 1990-х, и от 1800-х гг. Между тем данный стереотип восприятия превращает народ в население, родину – в «эту страну», социум – в механическое скопление двуногих существ, способных ко многому, но не к созиданию. С таким нигилизмом по законам диалектики стало соседствовать достойное лучшего

¹ Автор в значительной мере исходит из опыта изучения ряда правовых дисциплин в Российской академии наук и преподавания в различных государственных и частных высших учебных заведениях. Главное внимание в статье отведено двум тесно связанным правовым дисциплинам – истории права и государства и конституционному праву.

применения упорное стремление замкнуться в рамках административных границ, и тогда вместо страны (стран) мы, гордо именуемые дипломированными специалистами, преподносим окружающим совокупность государственных учреждений и часто перекраиваемых норм писаного права. Кого это может заинтересовать?

Нисколько не помогает делу и то обстоятельство, что мы приучились устно и письменно изрекать истины, непреложные в данный момент, и привыкли (в массе) опасаться всяких возражений, любых споров. Из очень многих отраслей познания, особенно общественных, мы постарались вытравить «душу живу» – понимание, зачем собственно придуманы наука и образование. (А ведь они придуманы не ради заполнения граф в образовательных стандартах и служебных отчетах, даже не затем, чтобы заставить кого-либо запомнить сумму информации, а чтобы наращивать совокупный интеллект социума, делать его изощренным, не допускать одичания страны). Большую роль в этих процессах, которые очень трудно назвать конструктивными, сыграли чиновные «организаторы науки», постаравшиеся превратить и исследовательские центры, и систему образования если не в казарму, то в филиал государственных ведомств, где дискуссии пресекаются. Образовался порочный круг, который сплошь состоит из «исторически сложившихся» и «объективных» факторов.

По очень распространенному мнению, противодействие всякому процессу безнадежно, если он имеет «объективную природу». Оставляя пока вопрос о природе данных процессов, подумаем – какие могут быть в нашем распоряжении средства и способы, позволяющие разорвать его? А средства эти, в общем, не такие уж мудреные.

1. Целесообразно избавиться от уверенности, что мы, живущие в XXI в., только в силу данного факта непременно умнее и проницательнее наших предков, работавших в той же области, что и мы. Не открою Америки, если напомним, что в сфере познания социума человеческий разум совершенствуется намного медленнее, нежели в точных и технических науках, хотим мы этого или нет. Математика, физика, химия, астрономия, география в последние один-два века движутся вперед прямо-таки исполинскими шагами, не особенно отстает от них политэкономия. Но ведь мы не вправе сказать то же самое о юриспруденции и историографии. Трудно отрицать, что такая отраслевая юридическая наука, как наука уголовного, гражданского, административного права, до сих пор во многом пользуется наследием древнеримского права, которому добрых две тысячи лет. В искусстве регулирования гражданско-правовых отношений доктрина и практика многих современных государств не дотягивает даже до уровня Кодекса Наполеона, которому свыше двухсот лет и который, в свою очередь, во многом исходил из нормативных актов Людовика XIV, которым более трехсот лет. А что с исторической наукой, особенно же с находящейся на

стыке юриспруденции и истории права и государства? Так ли много нового появилось в ее арсенале в XX и XIX вв.? В чем тут модернизация – разве что в лихорадочном внедрении электронной техники?

Вывод. В глубине и остроте анализа публичных институтов, правоотношений и правовых норм интеллектуалы прошедших столетий с гусиным пером и стеариновыми свечами мало уступают или же совсем не уступают современным исследователям, оснащенным компьютерами, принтерами и мобильными телефонами. Сообразно их эпохе они дали социуму значительно больше, чем мы, и их достижения мы обязаны востребовать, а не изобретать každодневно велосипед.

2. Жизненно необходимо пользоваться опытом, накопленным учеными предыдущих поколений в создании органического сплава юриспруденции и истории, важного и второстепенного. Так исследовать действительность умели, в частности, А. Градовский, Н. Коркунов, С. Соловьев и С. Юшков в нашей стране, Н. Макиавелли и А. Токвиль – за рубежом (список, разумеется, может быть продолжен). В созданном ими описании и анализе государственных институтов, норм и отношений практически невозможно вычленить юридический и общеисторический компоненты, трудно найти ненужные, уводящие в сторону детали. Дипломированный юрист А. Д. Градовский не боялся вводить в текст юридического исследования целые страницы материала, вроде бы не имевшего правового содержания, зато содержавшего ценные исторические сведения, которые существенно облегчали читателю понимание ключевых конституционно-юридических проблем¹. Предмет исследования государственного права он толковал расширительно. Стали ли его труды от этого хуже? А. Д. Градовский по праву пользуется репутацией основоположника науки государственного (конституционного) права в России. Получают признание и его заслуги перед историографией.

Вывод. Наиболее надежным и многообещающим методом познания всех общественных материй является системно-комплексный метод, известный исследователям с XIX в.

¹ В том числе А. Д. Градовский первым в нашей правовой доктрине обратил внимание (на примере создания Итальянского государства) на возрастание роли народа в конституционно-правовом развитии. Он же подчеркнул большое влияние, оказываемое на государственную политику таким внеконституционным институтом Германской империи, как Большой генеральный штаб, назвав его вторым правительством Германии [1, с. 166–167, 423, 500–501]. Внимание, отведенное видным юристом-конституционалистом месту Большого генерального штаба в управлении государством, выглядит более чем оправданным в свете последующих событий 1914 г., во время которых данный орган сыграл решающую роль в развязывании общеевропейского конфликта, переросшего в Первую мировую войну. Отметим, что современные правоведы обычно избегают оценивать функции и роль внеконституционных публичных институтов, т. е. предпочитают занимать более узкую, формализованную позицию.

3. Необходимо устно и письменно воссоздавать утраченное нашей (особенно юридической) наукой равновесие между массивом юридических и исторических фактов и умением их трактовать. В наши дни угрожающе возросло количество описательных публикаций, перегруженных сверх меры необработанным фактическим материалом, нередко цитируемым целыми страницами – благо объем правовых актов и их бурно растущее количество к этому располагают. Такие работы считаются исследовательскими, многие из них числятся диссертациями на соискание ученой степени. Но весь исследовательский труд авторов такого рода статей, диссертаций и монографий состоит разве что в извлечении фактов из первоисточников. Размещение сырого материала по разделам и параграфам и электронно-принтерная компоновка описательного на 99 % текста являются – нравится нам или нет – техническими операциями. Аналитическая часть многих таких работ – публикаций, лекций, докладов, препринтов и др. – ослаблена до предела. Они богаты цитируемыми статьями конституций и отраслевых кодексов, но по общему правилу бедны не только развернутыми оценками и выводами, но и мыслями. Кругозор многих авторов неоправданно сужен и в другом отношении. Как правило, при рассмотрении авторами публично-правовых и частноправовых институтов и правоотношений приводится мало сравнений с другими государствами и другими эпохами (независимо от изучаемого государства и исторической эпохи). Между тем, чем меньше в нашем подходе сравнения, тем меньше анализа. «Анализ может быть только сравнительным», – напоминает крупный современный исследователь А. Н. Мерцалов [4]¹. Сравнительный (межстрановедческий) анализ широко и плодотворно используют современные ученые-политологи, философы, историки². Однако большинство правоведов от него уклоняется.

Вывод. Нельзя признавать научно-исследовательскими работы, в которых не чувствуется равновесия между фактической и аналитической составляющей. Эти работы целесообразно считать технико-исполнительскими (справочно-информационными). Являясь «информацией к размышлению», они в качестве таковых имеют право на существование. Но это – не наука и не преподавание.

4. Необходимо и целесообразно избавляться от предвзятости, односторонности и скоропалительности в исследованиях и преподавании, не отклоняясь от юридического правила: «Пусть будет выслушана и другая сторона». На предвзятости и умолчаниях строится пропаганда. Отсутствие

¹ Имеется в виду монография двух докторов исторических наук *А. Н. Мерцалова и Л. А. Мерцаловой*, которая ценна скрупулезным осмыслением обильного и противоречивого административно-правового и уголовно-правового материала, многократно описанного, но совершенно недостаточно исследованного нашей юридической наукой.

² Наиболее удачны попытки отечественных и зарубежных исследователей *А. Н. Медушевского, Э. Нольте, В. Г. Сироткина и др.* [см.: 3; 4].

предвзятости и умолчаний если не гарантирует объективности, то всегда помогает приблизиться к ней, вопреки «объективным трудностям». Несколько примеров. Выдающийся юрист и историк С. В. Юшков в учебнике (т. е. в тщательно цензурируемом издании) проследил в 1940-х гг. зарождение и эволюцию элементов правового демократического государства у славян в «домонгольский» период истории Восточной Европы [5, с. 60–63, 74–83, 121–141, 152–163]¹. Его работам также свойственно внимание к правовой и государственной истории Беларуси в составе Великого княжества Литовского [5, с. 199–225].

Что не менее примечательно, С. В. Юшков подробно освещал перипетии конституционно-правовой эволюции России в 1905–1917 гг., не затушевывая фактов частичной либерализации и демократизации ее государственного строя, а подчеркивая их. Первым в советской правовой и исторической науке он напомнил читателям, что, например, половое равноправие в России было провозглашено Временным правительством, а не большевиками [5, с. 681–710, 735–751]. Ученый благополучно избежал наклеивания на Российскую империю ярлыка «тюрьмы народов», чем иная наша литература страдала вплоть до 1960-х гг. Приходится констатировать, что ни один вузовский учебник по истории государства и права СССР – России не содержит такого массива тщательно обработанного и осмысленного достоверного материала, как данный учебник. Фактически С. В. Юшков в целом ряде пунктов шел вразрез с господствовавшими после 1917 г. пропагандистскими стандартами о «кровавом царизме» и «антинародном и бездарном» Временном правительстве. И написать все это указанному автору не мешала однопартийная диктатура с ее политическим террором – узаконенным доносом, внесудебными расправами, концлагерями, высылками, лишениями прописки, конфискацией имущества...

А вот другой пример (речь идет о деятельности карательно-репрессивных государственных органов – ВЧК и революционных трибуналов). «Мы сознательно могли закрывать глаза на ряд наших ошибок и *сознательно допускать возможность таких ошибок* (выделено мною. – С. Д.), как это было в условиях красного террора». Когда речь идет о свободе и жизни индивидуумов, «сознательное допущение ошибок» на всех языках мира именуется правонарушениями и преступлениями. Итак, фактически признается, что ВЧК и ревтрибуналы были виновны в правонарушениях и преступлениях. Попробуйте определить, когда это было легально напечатано. В 2005-м? 1995-м? 1988-м? Нет, в 1940-х гг. на страницах учебника «История государства и права СССР» в разделе «Суд и вопросы

¹ 3-е издание книги вышло в 1950 г. После смерти автора в 1952 г. работа не переиздавалась. См. также труды С. В. Юшкова «Исследования по истории русского права» и «Очерки истории феодализма в Киевской Руси» [6].

процессуального права» [2, с. 68]¹. Значит, и в тоталитарном государстве иногда можно было писать правду, не подвергаясь репрессиям. Да, скорее всего на это могла поступить «установка» сверху. Но установки часто менялись, и от применения ст. 58 УК РСФСР² не был застрахован ни один аналитик и ни один преподаватель.

Вывод. Юридические и исторические исследования требуют самостоятельного подхода к проблематике и гражданской смелости. Как ни прискорбно признать, лицам, не проявляющим данных качеств, научная и преподавательская работа противопоказана.

5. В исследованиях и преподавании имеет смысл опираться не только на точно установленные факты, но и на факты, исходящие из разных по характеру источников³. Выявление и сопоставление фактов, формально относящихся к разным наукам (юридическим, политическим, экономическим, психологическим), по содержанию не противоречащих друг другу, помогает избавлять научные исследования и преподавание дисциплин от голословных заявлений и ложных посылок, которые малопродуктивны, если не опасны, в любых ситуациях. От ошибок никто не застрахован, но если имеется возможность сократить вероятность ошибок, зачем же ею пренебрегать?

Вывод. На юридических факультетах жизненно необходим обязательный курс источниковедения.

6. Все сказанное выше относится к сущностной основе исследований и преподавательской работы. Необходимо, однако, сказать и о форме выражения наших мыслей, которая зачастую также важна, сколь и сущность. Не берусь судить обо всех общественно-гуманитарных науках, но конституционное право и история (государственно-правовая и общая) – такие учебные дисциплины, которые нельзя разрабатывать тем, кого называют «скучниками», которые путают скучность и напыщенную многозначительность с серьезностью научного подхода. Если они говорят и пишут таким образом без злого умысла, то от этого не легче. Многочисленные оговорки, обесценивающие сказанное; набившие оскомину безличные обороты; без конца изобретаемые отглагольные существительные; расплывчатые, допускающие по нескольку толкований «уточнения»; абзацы объемом со страницу каждый; нанизывание родительных падежей – кому и в чем это помогает? Граждане, выражающие мысль только на суконном чиновном «новоязе», способны отвратить остальных членов социума решительно от всего.

¹ Авторы раздела – сотрудники Всесоюзного института юридических наук (ныне НИИСЗ) Б. Я. Арсеньев и И. Б. Новицкий.

² В которой перечень составов преступлений занимал более страницы убористого шрифта (УК РСФСР. – М., 1940).

³ В этом случае полезно помнить и другую установку: «Один опыт – еще не опыт».

Между тем не секрет, что многие настоящие ученые – А. Д. Градовский и Б. Н. Чичерин, Н. Н. Лазаревский, Л. А. Тихомиров¹ и С. В. Юшков в России, Н. Макиавелли, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон и А. де Токвиль за рубежом – умели выражать решительно все, что они хотели доходчиво сказать, добротным литературным и человеческим языком. От этого они не переставали быть специалистами². Не стал менее великим оттого, что мыслил и писал ясно, российский теоретик и практик М. М. Сперанский. Удобопонятность стиля Гражданского кодекса Франции (таково было требование Ш. Монтескьё, разделенное Н. Бонапартом) ни в коей степени не помешала его первоклассной юридической технике, благодаря которой Кодекс был воспринят десятками стран.

Вывод. Очень многие объективные препятствия на поверку оказываются субъективными, т. е. преодолимыми.

Развитие современной юридической науки требует, таким образом, от исследователей исполнения простых правил научной и преподавательской деятельности. Одно из них заключается во всестороннем изучении предмета исследования, взятого в полноте системно-генетических взаимосвязей. Также существует правило соблюдения научной добросовестности и честности, которые выражены в отсутствии политической ангажированности и плагиата. Соблюдение данных правил позволит как снизить уровень нигилизма в социуме, так и поднять уровень уважения к гуманитарным наукам, среди которых особое место занимают юриспруденция и история.

Литература

1. *Градовский, А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав / А. Д. Градовский. – СПб., 1895. – 536 с.
2. История государства и права СССР. Ч. 2: История советского государства и права / С. Н. Абрамов [и др.]; под ред. А. И. Денисова. – М., 1948. – 239 с.
3. *Медушевский, А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 650 с.; *Медушевский, А. Н.* Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.; *Нольте, Э.* Европейская гражданская война. Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте; пер. с нем. – М.: Логос, 2003. – 528 с.; *Сироткин, В. Г.* Вехи отечественной истории / В. Г. Сироткин. – М.: Междунар. отн., 1991. – 271 с.; *Скотин, В. И.* Милитаризм. Исторические очерки / В. И. Скопин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1957. – 672 с.; *Шапталов, Б. Г.* Феномен государственного лидерства. Экспансия в мировой истории / Б. Г. Шапталов. – М., 2008. – 656 с.

¹ Имеется в виду Л. А. Тихомиров (1851–1923), чей основной труд «Монархическая государственность» (1905) выдержал в последние 20 лет три переиздания.

² В советское время продолжателей этой в высшей степени позитивной традиции становилось все меньше и меньше. Назовем в данной связи юристов-конституционалистов М. А. Рейснера и А. А. Мишина.

4. Мерцалов, А. Н. Сталинизм и война / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. – М., 1998. – 425, [2] с.
5. Юшков, С. В. История государства и права СССР. Ч. 1: учебник для юрид. вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1947. – 767 с.
6. Юшков, С. В. Исследования по истории русского права / С. В. Юшков. – Б. м., 1926; Юшков, С. В. Очерки истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. – М., 1940. – 253 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Н. Н. Крестовская

Периодизация истории как отдельных государственных и правовых феноменов, так и государства и права в планетарном масштабе является не только академической, но и практической проблемой. Во-первых, научно обоснованная периодизация сама по себе потенциальна новым знанием об исторических, в том числе – историко-правовых явлениях. В частности, периодизация позволяет представить развитие государства и права как единство дискретного и динамического начал. Во-вторых, будучи категорией научного познания, периодизация как универсальная, так и локальная, способствует подведению итогов и организации уже накопленного знания об историческом развитии государственно-правовых явлений. В-третьих, периодизация – это основа для позиционирования национального государственно-правового бытия на оси мировых координат. Это ответ на вопросы: кто мы, откуда мы пришли, кто наши соседи и исторические современники, куда мы можем либо должны прийти?

Дискуссионность и исключительная сложность предложенной в данной статье проблемы состоит не только в наличии разных подходов к ее решению, не только в различии, а порой и противоположности критериев ее построения (коими могут быть господствующая идеология, общественная формация, уровень технологии, характер производимых благ, способы коммуникации). Основная методологическая сложность – в общем статусе исторической науки и науки историко-правовой как ее части. Она является одновременно социальной наукой, в основном построенной на натуралистической программе с присущей ей моделью объяснения, разделением субъект-объектных отношений, и наукой гуманитарной, применяющей культур-центристскую исследовательскую программу с характерным для нее устранением субъект-объектного противостояния посредством раскрытия субъектных характеристик объекта и использованием понимающей методологии. В силу сказанного любая периодизация истории государства и права неизбежно является субъективным видением объективной государственно-правовой реальности, даже если она поддерживается научным сообществом или, по крайней мере, его авторитетной частью.